

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья

УДК 808.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-314-324

EDN: NKNMUZ

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И КЛАССОВОЕ ИСКУССТВО: ОТ МНОГООБРАЗИЯ К УНИТАРИЗМУ

Казим Каллетович Бауаев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, kazim_bauaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0647-1295>

Аннотация. Статья освещает один из ключевых моментов становления национальных литератур народов Северного Кавказа в процессе их интеграции в общее культурное пространство СССР. Автор отмечает, что, невзирая на единообразие социально-общественных и хозяйственно-экономических систем этносов региона, на близость их культур, системы словесного творчества горских народов имели свои специфические черты, проявленные не только на общефилософском и концептуальном уровнях, но и в самих моделях апперцепции. На примерах поэтических текстов К. Хетагурова, Б. Пачева, К. Мечиева достаточно подробно и убедительно рассматривается суть процесса рефлекторной трансформации, определяются её конкретные приёмы и механизмы. Отход от пластического «фактурного» ощущения ведет к органическому освоению идеологической и отвлечённой символики, предвещающей расцвет национальной поэзии в границах этнически аутентичных апперцептивных моделей. Последние, в свою очередь, получили законченное и совершенное выражение как в творчестве К. Кулиева, так и в стихах его последователей, освоивших сензитивные, материализованные представления на новом, символическом уровне их трактовки.

Ключевые слова: искусство, этнос, апперцепция, национальная литература, новописьменная литература, концептуология, образное представление.

Для цитирования: Бауаев К.К. Национальная специфика и классовое искусство: от многообразия к унитаризму // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 314-324. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-314-324. EDN: NKNMUZ.

© Бауаев К.К., 2024

Original article

NATIONAL SPECIFICITY AND CLASS ART: FROM DIVERSITY TO UNITARIANISM

Kazim K. Bauaev

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, kazim_bauaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0647-1295>

Abstract. The article highlights one of the key moments in the formation of the North Caucasian peoples' national literature in the process of their integration into the USSR's shared cultural space. The author notes that, despite the unity of the socio-social and economic systems of the region, the proximity of their cultures, the systems of verbal creativity of the mountain peoples had their own specific features, manifested not only at the general philosophical and conceptual levels but also in the models of apperception themselves. On the examples of poetic texts by K. Khetagurova, B. Pacheva, K. Mechieva, the essence of the reflex transformation process is considered in sufficient detail and, convincingly, its specific techniques and mechanisms are determined. The departure from the plastic "textured" sensation leads to an organic understanding of ideological and responsible symbolism, anticipating the flourishing of national poetry within the boundaries of ethnically authentic apperceptive models. The latter, in turn, received a complete and perfect expression, as in the work of K. Kuliyeu, as well as in the poems of his followers, who developed sensitive, materialized ideas on a new, symbolic level of their interpretations..

Keywords: art, ethnos, apperception, national literature, newly written literature, conceptualogy, figurative representation.

For citation: Bauaev K.K. National specificity and Class Art: from Diversity to Unitarianism. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 314-324. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-314-324. EDN: NKNMUZ.

© Bauaev K.K., 2024

Для национальных литератур СССР, эволюционировавших в режиме так называемого форсированного развития маркерным является повышенное, можно сказать – превалирующее внимание к политико-идеологическим и социальным составляющим окружающего, характерное всем писателям первого поколения национальной художественной словесности. Причём, это не констатирующие наблюдения о различных формах имущественного неравенства, а, скорее, достаточно энергичные призывы к искоренению таковых [Мамедов 2007: 165-176].

С этой точки зрения творчество художников новой генерации можно, в целом, оценивать как стремление интегрироваться в реалии нового бытия, в идентификационных основах которого стояла концептуалогия, далёкая от этнических нормалей общежития и восходившая к теоретическим положениям сугубо идеологического плана.

С определённой точки зрения это был процесс зарождения новых стандартов лирического переживания, основанных на новых канонах прекрасного: «...у лирики и у философской рефлексии – одно начало, один источник: становление личности, превращение её в целостный мир, отделенный от целого и свободно (или волею судеб) присоединяющийся к тому или иному коллективу» [Гачев 2008: 188].

Приблизительно подобную же интерпретацию проблемы взаимодействия частного образного восприятия и традиционных практик мы видим у Л. Тимофеева: «В лирике индивидуальное переживание тем более значимо, чем полнее оно отвечает своему времени..., в конечном счёте с ним соотносится самораскрытие поэта в его концепции человека, в его понимании противоречий эпохи» [Тимофеев 1987: 353]. Деструкция коллективного сознания, отсутствие функциональных контактов между элементами этносоциума всегда предшествуют возникновению концепций нового мироустройства и поиска нового места чело-

века в обществе, что, собственно, и становилось центральным полем поисков авторов, закладывавших основы национальных литератур новой генерации.

Культурная эволюция, а тем более – развитие эстетического сознания – может быть определена как совокупность сменяющихся явлений и феноменов, вид и структура которых лишь косвенно зависит от воздействия объективных факторов [Бауаев 2015: 406]. Сходство мировоззренческих, социальных и рекреативных элементов авторов многих новописьменных литератур, тем не менее, не привело к тождеству их образных систем и манере художественной рефлексии. Сензитивность представлений, поэтический образ, построенный на чувственных ощущениях явление, скорее, исключительное, нежели типичное. Например, осетинские художники-билингвы оставались в исключительно русской классической системе использования условных эстетизированных образов, значительная часть которых была разработана в первой половине XIX в. в среде культурного фронта Россия-Кавказ:

...Где Казбек высокий с белою чалмою,
Где шумливый Терек с тихою Курою,
Где под грохот адский бешеного вала
Вся гудит теснина грозного Дарьяла,
Где по скатам горным, под гнездом орлиным,
Лепятся аулы, словно рой пчелиный...
[Антология осетинской поэзии 1960: 68].

Схожий пример:

...Над ним лишь короной алмазной сверкает
В прозрачной лазури незыблемый Шат;
У ног его в дымке Казбек утопает...
Чернеют утёсы и реки шуршат...
[Антология осетинской поэзии 1960: 106]

Понятно, писатели строят свои тексты на устойчивых объектах, многократно обыгранных в русской поэзии, и уже задолго до них превратившихся в сознании российского человека в эмблемы, своеобразные знаки пространства Северного Кавказа.

И даже апелляции к этническим основаниям художественного отражения не даёт Коста Хетагурову физической наполненности образа:

Если б, как нарты, я пел вдохновенно,
Если б фандыр мой и в небе звучал –
Все бы созвал я народы вселенной
И о страданиях своих рассказал
[Антология осетинской поэзии 1960: 81].

Единичные для основоположника осетинской литературы образцы материального образного представления при ближайшем рассмотрении предстают ре-

зультатом его осознанного следования избранной творческой цели, когда чувственное ощущение служит для выявления ведущей эмоции произведения:

У людей – бараньих туш ряды,
Сало каплет с потолка в золу,
А у нас, как призраки беды,
Гнёзда вьют нетопыри в углу...
[Антология осетинской поэзии 1960: 80].

– центральная деталь строфы, отмеченная присутствием физического качества, со всей очевидностью восходит к народной традиции, так как в осетинском фольклоре, как, впрочем, и у других народов Северного Кавказа, жир, а тем более – теряемый без пользы – является меткой неприязненного отношения к богачам, столь характерного для крестьянской среды.

В свою очередь, на востоке Северного Кавказа, в Дагестане, поэтические практики определялись нормами восточной – арабской и персидской поэтики. И образные представления в этой традиции строились, преимущественно, на отвлечённой, точнее, книжной символике с момента зарождения поэзии у различных народов Дагестана. В определённом смысле можно утверждать, что дагестанские авторы были тотально ориентированы на презентации условных поэтических единиц, лишённых физического наполнения – за редчайшими исключениями, разумеется [Толгуров 1999: 47].

Если говорить о народах Северо-Западного Кавказа – им также не было свойственно использование бытийных деталей, картин с «пластическим» наполнением, было ли стремление адыгских народов к символике и понятийной условности следствием влияния института профессиональных песенников-джегуако, или других факторов, но факт остаётся фактом – национальные поэты чуждались фактурных, обыденных и вещных предметов, стремясь к использованию условных, конвенциональных единиц, группировавших смысловые блоки текстов в такие же, по сути, понятийные картины Я бедноты певец, друзья.

Я горькой наделен задачей:
Слагать слова народных плачей.
Я, Пачев Бекмурза,
В стихе негромком
О муках наших расскажу потомкам.
Молчать нельзя!
[Антология кабардинской поэзии 1957: 118]. –

Даже для достаточно позднего творчества Бекмурзы Пачева – основоположника новой поэтической школы, выросшей, непосредственно, из фольклора, характерно обращение к преимущественному использованию отвлечённой, условно-понятийной лексики, тяготеющей к тезаурусу этических норм. Чаще всего эмотивные номинативы Б. Пачева связаны с моралью воинского поведения и соотносятся с положениями национального кодекса «Адыге хабзэ»:

... Тот счастлив, кто в труде не утомим.
Кто праведным деянием людским
Защитой служит, – славу обретет.
Не будет, как злодей, ославлен тот,
Кто зла не совершает, не таит.
За правду только храбрый муж стоит.
Кто доброты лишен, – в том сердца нет...
[Антология кабардинской поэзии 1957: 123].

Иными были апперцептивные модели карачаево-балкарских авторов. Народные фольклорные практики и особенности языкового представления объектов не предполагали обращения к понятийным поэтизмам, даже такому поэту, как Кязим Мечиев, знание восточного мироощущения и эстетики которого сомнению не подлежат. «Находясь под явным влиянием арузной традиции, то есть в перцептивном плане изначально будучи ограничен сферой поэтической идиоматики, иносказательности и «рафинированного» понятийного представления, он абсолютно осознанно и с однозначной стилевой регулярностью перемежает «поэтизмы» картинами и деталями реального, суггестивно достоверного характера» [Бауаев 2017: 26].

Прямые требования арузных норм, подразумевавших операции с условно-поэтическими картинами и образами, не полностью определяли его виденье и мышление. Он целенаправленно и системно включает в свои модели лирического сопереживания «вещные» образы, наполненные физическим содержанием детали, усиливавшие ощущение материальной реальности описываемого, что актуализируется даже филологами-языковедами [Кетенчиев 2012: 102]. В сущности, подобное апперцептивное чередование во многом определяло его индивидуальный стиль:

На вершине горы (другой) горы не бывает,
Из одного дерева не бывает (не строится) коровник.
Если рана от клинка и заживает, –
Рана любви не заживёт...
Пришёл в кузню твой отец,
Сделал (я) для его лошади удила.
С ними вместе в свой дом
Отнес он моё сердце.
Хочу – пусть удила (мой) служат хорошо,
Пусть и сердце моё останется в твоём доме.
Отец твой обуздает свою необъезженную лошадь,
Но тебя он вряд ли остановит!
[Мечиев 1987: 5-6]

Сокол взлетает ввысь,
Дикому зверю (травоядному) – нужен соляной лизунец,
Орёл стремится в небо,
А человек – к хорошему!
Пищу я стихи, бью (кую) я железо,
И то, и другое (оба дела) пригодятся народу, говорю (думаю).
Один топор народу нужнее, чем один князь,

Кязим это теперь хорошо знает.
[Мечиев 1987: 16].

...Уподобились мы бродячим собакам,
Не стоим мы и одной копейки.
Не осталось горских обычаев,
Исчезли правильные помыслы,
Душат нас плохие долги (мести),
Рвут на части бешеные псы.
Это говорит вам хромой Кязим,
Плачут и плачут оба моих глаза,
Говорю вам свое последнее слово, –
Не осталось у нас терпенья!
[Мечиев 1987: 39-40].

У балкарского поэта можно найти лишь несколько текстов, выстроенных на понятийной, условно-поэтической символике, что обусловлено эстетической задачей произведений – дидактических, близких к морально-этическим поучениям – но и в подобных стихах основоположник балкарской литературы не может остаться в координатах рационально-абстрактного представления:

Мужество остро, как кинжал,
Трусость – тупа, как кувалда.
Мужество защитит твою родину,
Трусость похоронит твой огонь.
Мужество – как кремь,
Трусость – древесина липы.
Мы стараемся (надеемся) быть людьми,
Поэтому любим мужество.
[Мечиев 1987: 10].

В координатах определения стиля В.Д. Сквозниковым, придающего особое значение целенаправленному выбору форм поэтического выражения, можно утверждать, что основоположник балкарской литературы был первым среди своих коллег-компатриотов, сумевшим выдержать единство материализованных и абстрактно-понятийных презентаций, создав тем самым, основу будущего национального стиля. Он «...реально воплотил своеобычность художественного представления, шире – гносеологического отражения своего народа, обогатив иллюзорность восточного поэтического выражения мощным материальным началом, и облагородив последнее утонченностью и подчеркнутой философичностью арузной традиции» [Сквозников 1987: 178-184].

Своеобычные и этноокрашенные модели лирического сопереживания формировались до прихода Советской власти, и они были вполне функциональны в условиях мультикультурализма и языковой мозаичности. Однако на первых этапах развития новой социалистической литературы, доминировал идеологический подход в понимании роли и значения словесного творчества. И здесь необходимо понимать, насколько идеологическая и эстетическая унификация была продуктивна для так называемых «новописьменных» литератур.

Классовые трактовки художественного, скорее всего, были вполне приемлемы для моноязычных и монокультурных государств. Это вполне убедительно доказывается опытом писателей, принимавших идеи коммунизма, но, тем не менее, успешно развивавших поэзию и прозу в их чёткой этнической принадлежности.

Но утверждение об обязательности идеологических и мировоззренческих норм в полиэтничной среде было сильнейшим фактором нивелировки этико-эстетических компонентов народного сознания и, в конечном итоге, приводило к заметным задержкам в развитии целого ряда значимых направлений в поэзии и прозе – не говоря уже о зачатках народного театра, полностью перешедшего к общеагитационным формам уличных политических мистерий и примитивным представлениям, семантика которых ограничивалась конкретными лозунгами на потребу дня.

Естественно, подобные остроактуальные образцы словесного творчества получили первичное развитие в центре страны – культивация новой сферы духовности начиналась в политических центрах государства. И это обстоятельство также имело своим следствием очевидную вторичность нарождающихся форм нового искусства – в том числе, литературы – на национальной периферии. Так прошло становление идеи о разностатусных культурах, об идентификации каких-то из них «донорными» и, соответственно, о зависимом характере эволюции национальных литератур, отнесённых к так называемым «новописьменным» [Арнольдov 1976: 7].

Однако сущностным содержанием этого периода, надолго определившим пути развития национальных литератур, стал процесс нивелирования образного тезауруса всего литературного сообщества. Набор объектов, используемый для выстраивания лирических картин, приобретает общий вид как для «донорной» русской, так и для текстов национальных авторов. Собственно говоря, идеология нового строя меняла объектный мир словесного творчества, адаптируя его к новым целям и задачам: «Духовная культура по отношению к отдельной личности, социальной группе, классу существует как нечто объективно данное. Однако, будучи воспринятой и усвоенной, «опредмечиваясь» в практической деятельности личностей, социальных групп, классов, она органически входит в систему их жизнедеятельности, в их мировоззрение, т.е. становится субъективно осознанным способом осмысления объективной реальности, необходимым для её преобразования». Невзирая на заданность и идеологическую предопределённость хода мысли исследователя, данное положение весьма верно отражает моменты апшерцептивной трансформации эпохи. Эпохи коренной ломки всего культурного пространства страны, в ходе которой партийные руководители прекрасно понимали – невзирая на все утверждения В.И. Ленина о ценности предыдущего опыта – что так называемая «новая личность» должна представлять индивидуума, чьи ценностные ориентиры, эстетические и моральные установки формируются, фактически, с «нуля» [Энгельс 1955: 244-245].

Закономерно, политическая обстановка первого десятилетия существования Советской власти предполагала, во-первых, резкое сокращение объектного мира новой литературы, во-вторых – заметную унификацию такового. В пред-

ставлениях партийной верхушки советского общества первоочередной и, фактически, единственной задачей художественной словесности стало атрибуция нового мироздания, институционными элементами которого стали отвлечённые и, чаще всего, абстрактно-умозрительные концепты вновь формируемой идеологической среды. Поэтому сравнение даже совершенно разномасштабных поэтических величин – мастеров русской поэзии, прочно освоивших трёхсотлетнюю традицию образного представления и национальных, авторов, едва начавших освоение незнакомого им понятийного фонда в координатах соответствующей идеологии и эстетики – выявляют удивительные схождения в наборах описываемых предметов и концептов.

К слову, обращаясь к заключительной части поэмы «Двенадцать» мы сталкиваемся со знаковыми реестрами поэтических смысловых формант, в принципе, далёких от повседневного стиля, выработанного Александром Александровичем Блоком за предыдущие десятилетия творчества:

Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос
[Блок 1999: 20].

Что, конкретно, присутствует в отрывке: державный шаг, ветер, красный флаг, сугроб холодный, нищий пёс голодный, штык, старый мир, кровавый флаг, тьма, товарищ, пуля. За исключением образа Христа – достаточно стабильный список поэтических объектов, к которым прибегают совершенно неопытные стихотворцы, революцией «мобилизованные и призванные», причём – в любых этнических секторах. В сущности, единственный текст А.А. Блока, полностью конституированный идеологическим контентом, в концентрированном виде представляет те базовые концепты, вокруг которых и на которых выстраивают свои политические тексты большинство авторов новописьменных литератур. В той или иной степени, близости к тезаурусу Блока находятся сотни и сотни текстов стихотворцев, принявших революцию и Советскую власть, даже те из них, чье традиционность и религиозное мировоззрение не вызывали сомнения:

...Конь его, обрызган кровью,...
...В том бою свистели пули,...
...Пули падали, как дождь...
...Черной буркою, и мгла,...
...Храбрый горец опочил,
Но над ним пылает знамя...

Конечно, содержательная часть цитаты из произведения К.Б. Мечиева разворачивает эмблематику борьбы и нового строя несколько по-иному, нежели это наблюдается в поэме Блока, но сам факт совпадения объектных наборов – как минимум, факт трёх буквальных совпадений – говорит о многом.

Партийная верхушка страны весьма добросовестно относилась к вопросам строительства нового ментального пространства. Это был жёсткий иерархический подход, подразумевавший прессинг на идеологическом уровне, затем коррекцию этических установок и, в качестве логического итога – ломку в сфере эстетических воззрений. Конечной целью воздействия на общество было возвращение единообразного усреднённого социума, контроль и управление, которым не представлял бы особой сложности. Монохромность в эмоциональных, нравственных, рациональных реакциях отдельно взятого индивидуума стала осознанным трендом эпохи: «Сознательный пролетарий, опирающийся на познанную историческую необходимость в своей деятельности, вовсе не стремится к тому, чтобы сделать себя лично «господином общественных отношений...» «Моральная стратегия» нравственной свободы трудящегося... заключается в стремлении к коллективному единству...».

Много позже – уже в последней четверти XX столетия возврат к национальным моделям мироощущения и мировосприятия стал оцениваться, как эволюционный показатель для новописьменных литератур. По всей видимости, можно констатировать, что в отношении литератур народов России – тех из них, которые восходили к этническим системам словесного творчества, становление которых произошло уже при Советской власти – это вполне справедливо. И в этом смысле можно с полными основаниями утверждать, что на первых этапах развития новописьменных литератур говорить об ускорении и «форсированном» их развитии, как минимум, сомнительно. Первая стадия формирования этих литературных сообществ была, скорее, стадией стагнации и идеологически обусловленной унификации.

Художественное мышление народа, реализованное в поэзии и связанное со стихотворным творчеством, находилось под угрозой стагнации, так как разнообразность используемых рефлексивных структур не позволяла развиваться комплексному интегративному восприятию окружающего и закономерно обуславливало скудость и узость тематических поисков авторов. Трудно предполагать, каково было бы дальнейшее развитие балкарской поэтической мысли, однако её последующая эволюция была инициирована и скорректирована творчеством, фактически, одного человека.

Это был Кайсын Кулиев. Его роль в прогрессе национальной поэтической школы огромна и непереоценима, о чем многократно упоминалось в литературоведческих работах [Узденова, Кетенчиев 2020: 41]. Поэт был открыт наиболее прогрессивным художественным и эстетическим доктринам, которые, в принципе, могли быть реализованы в условиях советского союза. Знакомство с вершинами европейской и мировой культуры, глубокое и органичное освоение контента из абсолютно различных сфер духовности, начиная с живописи и заканчивая сценическим творчеством, сочеталось и реализовывалась в текстах Кулиева на аутентичном национальном языке в полном смысле этого слова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Антология кабардинской поэзии 1957 – *Антология кабардинской поэзии*. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1957. – 299 с.

Антология осетинской поэзии 1960 – *Антология осетинской поэзии*. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1960. – 390 с.

Арнольдov 1976 – *Арнольдov А.И.* Социалистический образ жизни и культура. – М.: Мысль, 1976. – 156 с.

Бауаев 2015 – *Бауаев К.К.* Этно-культурный статус и эпические архетипы // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – С. 406. EDN: UHXCV.

Бауаев 2017 – *Бауаев К.К.* Эволюционная специфика балкарской поэзии (типология апперцептивных версий): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. / Дагестанский государственный педагогический университет. – Махачкала, 2017. – 43 с. EDN: ZQDEYR.

Блок 1999 – *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Том V. – М.: Наука, 1999. – 105 с.

Гачев 2008 – *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. Эпос, Лирика, Театр. – М.: Флинт, 2008. – 188 с.

Кетенчиев 2012 – *Кетенчиев М.Б.* Функционально-семантический потенциал обращений в поэзии К. Мечиева // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2012. – Т. 2. – № 3. – С. 101-103.

Мамедов 2007 – *Мамедов Н.Т.* Каракалпакская литература. – Баку: Мутарджим. 2007. – 188 с.

Мечиев 1987 – *Мечиев К.Б.* Стихи и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 98 с.

Сквозников 1987 – *Сквозников В.Д.* Стиль и художественная ценность произведения // Контекст, 1987. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1988. – С. 178-184.

Тимофеев 1987 – *Тимофеев Л.И.* Слово в стихе. М.: Советский писатель, 1987. – 442 с.

Толгуров 1999 – *Толгуров Т.З.* Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 390 с.

Узденова, Кетенчиев 2020 – *Узденова Ф.Т., Кетенчиев М.Б.* О принципах реализации образа в литературе карачаевцев и балкарцев: семиотика цветообозначений // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 5. – С. 40-44. DOI: 10.20339/PhS.5-20.040.

Энгельс 1955 – *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. – М.: Политическая литература, 1955. – С. 244-245.

REFERENCES

Antologiya kabardinskoj poezii [An anthology of Kabardian poetry]. – М.: Gosudarstvennoe izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1957. – 299 p. (In Russ.).

Antologiya osetinskoj poezii [An anthology of Ossetian poetry]. – М.: Gosudarstvennoe izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1960. – 390 p. (In Russ.).

ARNOL'DOV A.I. *Socialisticheskij obraz zhizni i kul'tura* [Socialist lifestyle and culture]. – М.: Mysl'. 1976. – 156 p. (In Russ.).

BAUAJEV K.K. *Etno-kul'turnyj status i epicheskie arhetipy* [Ethno-cultural status and epic archetypes]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. – № 2-1. – P. 406. (In Russ.).

BAUAJEV K.K. *Evolucionnaya specifika balkarskoj poezii (tipologiya apperceptivnyh versij)* [The evolutionary specificity of Balkar poetry (typology of apperceptive versions)]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. / Dagestanskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. – Mahachkala, 2017. – 43 p. (In Russ.).

BLOK A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 20-ti tomah* [The complete collection of writings and letters in 20 volumes]. Tom V. – М.: Nauka, 1999. – 105 p. (In Russ.).

GACHEV G.D. *Soderzhatel'nost' hudozhestvennyh form. Epos, Lirika, Teatr* [The content of artistic forms. Epic, Lyrics, Theater]. – М.: Flint, 2008. – 188 p. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B. *Funkcional'no-semanticheskij potencial obrashchenij v poezii K. Mechieva* [The functional and semantic potential of appeals in K. Mechiev's poetry]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2012. – Т. 2. – № 3. – P. 101-103. (In Russ.).

MAMEDOV N.T. *Karakalpakskaya literature* [Karakalpak literature]. – Baku: Mutardzhim. 2007. – 188 p. (In Russ.).

MECHIEV K.B. *Stihi i poemu* [Poems and poems]. – Nal'chik: El'brus, 1987. – 98 p. (In Russ.).

SKVOZNIKOV V.D. *Stil' i hudozhestvennaya cennost' proizvedeniya* [The style and artistic value of the work]. In: *Kontekst*, 1987. *Literaturno-teoreticheskie issledovaniya*. – M.: Nauka, 1988. – P. 178-184. EDN: YPCSYV. (In Russ.).

TIMOFEEV L.I. *Slovo v stihe* [A word in a verse]. – M.: Sovetskij pisatel', 1987. – 442 p. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. *Informacionno-esteticheskoe prostranstvo poezii Severnogo Kavkaza* [Informational and aesthetic space of poetry of the North Caucasus]. – Nal'chik: El'brus, 1999. – 390 p. (In Russ.).

UZDENOVA F.T., KETENCHIEV M.B. *O principah realizacii obraza v literature karachaevcev i balkarcev: semiotika cvetooboznachenij* [On the principles of image realization in the literature of Karachai and Balkars: semiotics of color meanings]. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. – 2020. – № 5. – P. 40-44. DOI: 10.20339/PhS.5-20.040. (In Russ.).

ENGEL'S F. *Polozhenie rabocheho klassa v Anglii* [The situation of the working class in England]. In: *K. Marks i F. Engel's. Soch. T. 2*. – M.: Politicheskaya literatura, 1955. – P. 244-245. (In Russ.).

Информация об авторе

К.К. Бауаев – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

K.K. Bauaev – Doctor of Philology, docent.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 02.04.2024 y.; approved after reviewing 15.06.2024 y.; accepted for publication 27.06.2024 y.